

поведения — публично хвалили советское руководство, оправдывали политические судебные процессы и репрессии. Объяснений тому несколько: во-первых, они не имели статуса вселенских знаменитостей (которым, безусловно, обладали такие визитёры в СССР, как Р. Роллан и Дж.Б. Шоу), во-вторых, их материальные возможности не позволяли им вести себя независимо, в-третьих, испанцы не ощущали никакого культурного превосходства, а напротив, смотрели на советский опыт «снизу вверх»⁹. Последнее подтверждает продуктивность выбранного Дэвидом-Фоксом угла зрения: значение представлений о неполноценности и превосходстве как для гостей Советского Союза, так и для принимавших их хозяев было очень значительным.

Возвращаясь к материальному: удивительно, что самим «технологиям гостеприимства» автор уделяет минимальное внимание, используя при этом лексику из книги Пола Холландера «Политические пилигримы»¹⁰. Когда Дэвид-Фокс характеризует путешествия западных гостей как «одно из самых печально известных событий политической и интеллектуальной истории XX века» (с. 19), кажется, что он берёт у Холландера не только некоторые идеи (например, что «предрасположенность левых интеллектуалов к утопиям» повлияла на приезжавших больше, чем «машинерия советского гостеприимства», с. 192), но и обличительный настрой. Тем не менее это ощущение быстро удаётся преодолеть: академический тон и стиль не изменяют автору до конца книги.

В заключение Дэвид-Фокс ещё раз отмечает, что «вечная проблема отсталости остаётся... сердцевиной российского отношения любви-ненависти к западному миру» (с. 534). Можно продолжить его мысль: помимо извечных сравнений и выборов пути развития, остаются теми же и методы постсоветской культурной дипломатии. От современных пилигримов ждут того же — восхищения и одобрения порядков, установившихся в стране¹¹. Интересным образом совпадают и типаж, заинтересованные в постсоветской (или, если быть точным хронологически, посткрымской) России как проекте: националистически настроенные правые и протестующие против истеблишмента левые¹². Можно лишь согласиться с автором: комплекс этих проблем останется актуальным, пока будет обсуждаться проблема «Россия и Запад».

Александр Голубев: Между пропагандой и реальностью

Alexander Golubev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Between propaganda and reality

Книгу М. Дэвида-Фокса, безусловно, можно считать заметным явлением в современной историографии. Она основана на большом массиве как российской,

⁹ Представители испанских интеллектуальных кругов (в первую очередь, либералы и левые) видели в СССР успешный пример того, как разрешаются многочисленные экономические, социальные, национальные и прочие противоречия в стране, отстающей в развитии от лидеров западного мира. Для них СССР был, по выражению Х. Грэм, «иконой модерности». Впрочем, националисты в Испании называли культурную политику СССР «культурным большевизмом» и отторгали её. Подробнее см.: *Graham H. Spanish Civil War. A Very Short Introduction*. Oxford, 2005.

¹⁰ Холландер П. Политические пилигримы. СПб., 2001.

¹¹ Усилились эти стремления после присоединения к России Крыма весной 2014 г., не признанного мировым сообществом. Поиск российской властью «диссидентов» среди представителей элит западных стран с тех пор стал постоянным (и, стоит добавить, довольно успешным).

¹² Так, в 2015 г. в Санкт-Петербурге прошёл международный русский консервативный форум, в котором приняли участие представители Греции («Золотая Заря»), Германии (Национально-Демократическая партия), Италии («Новая Сила») и др. В 2016 г. представитель партии «Левые» (Германия) Андреас Маурер совершил поездку в Крым, несмотря на официальную позицию ФРГ, не признающей присоединение Крыма к России.

так и западной литературы, к тому же покоится на прочном архивном фундаменте. При этом автор, опровергая распространённое мнение о том, что иностранному исследователю трудно понять нюансы российской истории, исходит из верной в целом предпосылки: «взгляд извне» не только допустим, но и может открыть нечто новое даже для отечественного наблюдателя. Следует оговориться, однако, что порой такой подход ведёт к недооценке фактов, а главное — выводов, содержащихся в историографии российской.

Ключевыми для автора являются категории превосходства и неполноценности. Дэвид-Фокс постоянно возвращается к ним, но не задаётся вопросом, специфичны ли эти категории именно для взаимодействия Советской России и Запада или применимы к ситуации контакта любых культур? И, если верно последнее, в чём тогда уникальность рассматриваемого им в книге материала?

Автор старается разобраться, «каким образом в течение двух бурных десятилетий, когда формировалась советская система, Запад оставался постоянным фактором её развития будь то в виде перенимаемых или отвергаемых её моделей, представлений о внешнем мире, которые требовалось развить или изменить, или в важнейшем процессе выявления друзей и врагов, или, наконец, что не менее значимо, в глубоком влиянии системы приёма иностранных знаменитостей» (с. 22). На самом деле эти сюжеты достаточно подробно рассмотрены в статьях, а частично и монографиях российских исследователей. Помимо упомянутых в книге Г.Б. Куликовой, В.А. Невежина, это Е.С. Сеньявская, Е.Ю. Зубкова, М.М. Кудюкина, В.И. Фокин, В.А. Токарев и многие другие, не говоря уже об исследователях, работавших в советские времена. Частным примером может служить утверждение автора о том, что «сталинизм, ассоциируемый столь однозначно с сугубым изоляционизмом, первоначально заключал в себе стремление к международному взаимодействию, пусть и жёстко ограниченному. Это до сих пор недопонято историками» (с. 522). Во-первых, стремление сталинизма к взаимодействию сохранялось и в 1937, и в 1939 г. (что можно продемонстрировать бурным ростом советско-германских культурных связей после подписания пакта Молотова—Риббентропа¹³), и в годы Великой Отечественной войны¹⁴. Во-вторых, это свойство сталинизма давно уже было подмечено российскими историками¹⁵.

Вызывает сомнения убеждённость автора в отсутствии прямой преемственности российского и советского международного поведения, в том числе в рамках культурной дипломатии. В действительности же, при всей серьёзности различий, такая преемственность была — и организационная, и порой даже персональная. Вместе с тем он точно подмечает важную предпосылку успехов советской культурной дипломатии: в восприятии западных гостей «привлекательно знакомое сочеталось с радикальной новизной» (с. 22).

Вслед за М. Нолан автор подчёркивает, что в межвоенной Европе соперничали две модели перспективного развития — социализм и американизм. На самом деле достаточно привлекательным для многих западных умов путём развития, особенно в первой половине 1930-х гг., являлся не американизм,

¹³ Невежин В.А. Советская политика и культурные связи с Германией (1939—1941 гг.) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 18—34.

¹⁴ Голубев А.В., Поршинева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012.

¹⁵ См.: Голубев А.В. «Строительство дома цензуры» (к вопросу о закрытости советского общества) // Россия и современный мир. 2000. № 3. С. 73—87.

а фашизм (кстати, этот взгляд разделяли и некоторые представители советской интеллигенции, особенно принадлежавшие к старшему, дореволюционному поколению¹⁶).

Ещё один любопытный нюанс. Многие «объекты показа», действительно являясь чем-то совершенно новым для российского быта, особенно в национальных республиках, не казались такими иностранным гостям. Автор подчёркивает: подобные объекты создавались не столько для внешней, сколько для внутренней пропаганды. Конечно, она играла огромную роль в жизни советского общества, но значение образцовых объектов было гораздо большим: эти колхозы и больницы, учебные заведения и исправительные учреждения рассматривались в СССР как своеобразные «маяки», указывавшие путь отстающим, своеобразные примеры светлого нового мира, которые необходимо всячески распространять, тиражировать.

Помимо общих, нередко интересных и неожиданных рассуждений о взаимоотношениях России и Запада, хотелось бы подробнее разобраться в повседневной деятельности бюрократической машины ВОКС, а также в инфраструктуре, создававшейся им на Западе. Кажется, автор порой не до конца разделяет такие разные организации, как общества дружбы и общества культурных связей с СССР. Он, очевидно, понимает разницу между ними, но читателю её не объясняет. А ведь история обществ дружбы и обществ культурных связей с СССР, даже по тем материалам, что отложились, например, в архиве ВОКС, предстаёт как драматичная, наполненная различными интересными и противоречивыми персонажами, сложными человеческими и политическими коллизиями. Впрочем, Дэвид-Фокс подчёркивает, что «общества дружбы становились жертвами двойственной политики: с одной стороны, предусматривалось, что они должны вести в основном идеологическую работу; с другой — их обязывали отделиться от Коминтерна и местных компартий, в то время как дипломаты были заняты откровенно иными заботами» (с. 155). На самом деле роль обществ дружбы постоянно то росла, то снижалась в зависимости от внутри- и внешнеполитической ситуации.

Дэвид-Фокс подробно рассматривает деятельность первого председателя ВОКС О.Д. Каменевой, почти не изученную даже в постсоветской историографии (не говоря уже о советской, где её фамилия по понятным причинам практически не упоминалась). Чуть меньше внимания он уделяет А.Я. Аросеву, третьему председателю ВОКС. Зато почти не упоминается его предшественник Ф.Н. Петров, который руководил ВОКС в 1929–1933 гг. А ведь он был в своё время достаточно крупной фигурой, постепенно, впрочем, потерявшей влияние¹⁷. Может быть, ВОКС оказалось лишь промежуточным этапом в его долгой жизни, но зато Петров оказался во главе ВОКС в те годы, когда международное положение и ситуация в СССР переживали драматические перемены, да и само ВОКС претерпевало серьёзную реорганизацию.

¹⁶ См. об этом: *Голубев А.В.* Мир начала 1940–х гг. глазами русского писателя // *Российская история*. 2013. № 3. С. 149–154.

¹⁷ Петров Фёдор Николаевич (1876–1973), врач по образованию, большевик с 1903 г., был участником революции 1905–1907 гг. Сидел в Шлиссельбурге, затем на каторге. В 1920–1922 гг. занимал пост заместителя председателя Совета министров Дальневосточной Республики, был членом Дальбюро ЦК РКП(б). В 1923–1927 гг. возглавлял Главное управление научных и учебных заведений Наркомата просвещения РСФСР. С 1927 по 1949 г. один из руководителей и редакторов издательства «Советская энциклопедия». Дважды Герой Социалистического труда (1961, 1971).

Можно поспорить с утверждением, что на гостях-иностранцах советские власти как бы отрабатывали «технологии приручения» собственной элиты — тут, скорее, была обратная последовательность. Всё-таки с проблемой «приручения» собственной элиты власти столкнулись раньше и уже накопили определённый опыт, который пытались применить и к иностранным гостям. Отмечу также одну частную, но существенную неточность. Дэвид-Фокс относит начало так называемых массовых операций к лету 1937 г. (с. 498), но на самом деле они начались на год раньше.

Впрочем, подобные частные недостатки перекрываются многочисленными достоинствами книги. Так, автор справедливо замечает, что «коммунизм являлся весьма гибким мифом, а культурная дипломатия при этом ловко манипулировала его многообразием, тем самым не требуя от сочувствующих западных интеллектуалов единогласной поддержки какой-либо одной черты; в то же время каждый из них связывал с советской системой свою собственную заветную надежду на лучший миропорядок» (с. 349). Его заслугой является также введение и широкое использование термина «культура антифашизма» вместо уже привычного «движения антифашизма», что расширяет рамки самого явления.

Пожалуй, наиболее важной и интересной частью книги является подробное описание встреч и бесед И.В. Сталина с наиболее выдающимися гостями, их преимущественно позитивной реакции на эти встречи, причём не только спонтанные, но и отнесённые достаточно далеко во времени. Пожалуй, единственным значимым исключением оказался А. Жид, но он-то как раз со Сталиным и не встречался. Конечно, посещениям Г. Уэллса, Б. Шоу, Л. Фейхтвангера, Р. Роллана посвящено несколько документальных публикаций, много статей, эта тема затрагивается (иногда подробно) в ряде монографий. Но и тут М. Дэвид-Фокс сумел найти свои подходы и нюансы. А наиболее развёрнуто и интересно описан приезд Т. Драйзера. Историк, опираясь на материалы самого писателя и лиц, окружавших его в течение поездки, подробно анализирует, как и почему менялся взгляд Драйзера на Советскую Россию и чем объяснялись неожиданно позитивные оценки, которые отсутствовали во время его пребывания в СССР, но неоднократно высказывались после возвращения в США.

А закончить хотелось бы вот чем. Автор приводит слова знаменитого американского дипломата Дж. Кеннана о советской политике — «голодать ради славы» («starve itself great»). Я бы перевёл это выражение, может быть, не столь удачно с точки зрения стилистики, но точнее по смыслу: «Доголодать до величия». Неполая эпифанья той эпохе...

Владимир Невежин: Утомлённый ВОКСом

Vladimir Nevezhin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Wearing by VOKS

Участники дискуссии уже отметили, что монография известного американского историка М. Дэвида-Фокса основательно фундирована: она стоит даже не на трёх, а на четырёх «китах» — РГАСПИ, ГА РФ, РГАЛИ, АВП РФ. Всего автор привлёк документальные материалы 19 фондов этих крупнейших российских архивохранилищ, многочисленные опубликованные источники (воспоминания, дневники, официальную, личную переписку и др.). Не обошёл он вниманием и исследования своих предшественников, изучавших сюжеты, сходные с его проблематикой, а в русскоязычном издании использовал некоторые публикации